

## 2. Педагогика и коммунизм

Структура советской школы, в основных чертах скопированная с до-революционной гимназии, соответствовала мировым стандартам середины XX века. Тем не менее на пороге научно-технической революции она уже не могла удовлетворить требованиям времени. Но не только эта проблема с неизбежностью порождала неформальное педагогическое движение в стране. Индустриальное образование, стандартизирующее и атомизирующее человека, противоречило гуманистическим традициям отечественной культуры, которые в коммунистическую эпоху трансформировались в лозунг формирования «разносторонне развитой личности». Эта задача, превратившаяся в пропагандистский штамп, в случае своей реализации могла привести к качественному изменению общества. Поэтому государство как могло блокировало стремление педагогов-энтузиастов продвигаться в этом направлении, но не могло объявить им открытую борьбу как диссидентам, поскольку «водители детей» действовали строго в рамках официально провозглашаемых догматов, доставшихся власти в наследство от гуманистической традиции социалистического движения. На протяжении всей советской истории появлялись педагоги, которые с риском для карьеры пытались экспериментировать, искать новые формы преподавания и воспитания, соответствовавшие вечному идеалу гармоничной, гуманной и высокообразованной личности. Такая личность была нужна для системы, но в небольших количествах, ибо в массовых масштабах гармоничные, гуманные и образованные люди разрушают индустриальное общество, даже если перечисленные качества встречаются порознь, что типично для результатов педагогических экспериментов.

Возрождение неформальной педагогики после паузы 30—50-х гг., как и других неформальных движений, произошло в 50—60-е гг. В 1956 г. по инициативе И.П.Иванова началось движение коммунаров. «Иванов был человеком очень трезвым, — вспоминает Р.Соколов, — он реалистично смотрел на современное ему общество... Он был инакомыслящим, но смотрел на власть “слева”. Иванов был «большим католиком, чем Папа Римский», он был коммунистом и марксистом больше, чем руководство страны. Он хотел идти не к прошлому или к Западу, а к реальному коммунизму. Он мечтал о том, что когда в созданной им педагогической коммуне вырастут коммунары, они изменят общество»<sup>61</sup>. По мнению В.Хилтунена, «коммунарство стало инвалидной формой коммун двадцатых годов. У них сохранилась игровая форма, но был отрезан материальный базис. Коммунары 60—80-х гг. добились в игровой форме того, чего Макаренко не мог добиться в производственной коммуне, играя с материальным. Они прорвались в будущее, но оказались кроной, зависшей без самого ствола»<sup>62</sup>.

Социальная доктрина коммунарского движения формировалась в короткие лозунги-речевки, например: «В коммуне друзья живут без я. Всем на удивление, однако, местоимение мы», или: «Деньги — прах, одежда — тоже, нам устав всего дороже». Это была игровая модель бесребреннического коммунизма, альтруистического общества будущего. Однако более глубокая социальная стратегия оставалась достоянием частных разговоров, а на первый план коммунарского движения вышла педагогическая технология, прежде всего «коллективные творческие дела» — мозговой штурм подростков и преподавателей, направленный на некий непредсказуемый творческий результат<sup>63</sup>. «Закручивал цейтнот, — вспоминает К.Сумнительный, участвовавший в «постановке» «коллективных творческих дел» в начале 80-х гг., — надо было в короткий срок выдать что-то, какой-то “номер”, за который не было бы стыдно... За нами ездили педагоги, которые записывали наши действия, нашу методику в деталях. И это было бессмысленно, потому что мы импровизировали. Несмотря на то, что импровизация и технологические заготовки сочетались, попытка копировать “коллективные творческие дела” “старших товарищей” могла вести только к вырождению»<sup>64</sup>.

Начав с работы в школе, коммунары были постепенно вытеснены во внешкольную работу. Так была создана «Коммуна юных фрунзенцев» в ДК им.Фрунзе в Ленинграде. В конечном итоге воспитанный Ивановым коллектив вытеснил основателя. По выражению Р.Соколова, «Буратино прогнал папу Карло. Но, прогнав его, коммуна потеряла стратегическую цель, которую Иванов не мог заявлять открыто. Движение не смогло своевременно воспроизвести социальную стратегию и было обречено на постепенное затухание со временем»<sup>65</sup>. Видимо, это не совсем так. В коммуне столкнулись две тенденции — неортодоксальный коммунизм и западнический либерализм. Часть вожатых сближалась с журналистом С.Соловейчиком. По мнению В.Хилтунена: «Сима Соловейчик узнал об этом опыте году в 60-м, приехал и начал популяризировать. И участвовать. Иванов очень болезненно относился к попыткам разрушения важных для него идеалов. А у Симы была близость к либеральной среде. В коммуне усилились либерально-

западнические настроения. И постепенно Сима сделал из этого всесоюзную диссидентскую организацию. Хотя и умеренную, ориентированную в первую очередь на творчество, а не на коммунизм. С мощным лабораторно-учебным центром в виде «Орленка». Он перехитрил всех, кого мог. До какой-то поры Иванову все это было понятно и интересно, потому что он думал, что это идет в развитие его основной идеи. А потом произошла аннигиляция. Соловейчика привлекала творческая составляющая коммунарства, его креативность и игривость. Поскольку она совпадала с коллективизмом, Симу это устраивало, а поскольку нет — коллективизм раздражал своей ритуальностью и круговой порукой»<sup>66</sup>. Иванов, не прекративший общественно-педагогической деятельности, позднее стал противником социальной активности нового поколения педагогов, прошедших коммунарскую школу.

Коммунарские инициативы получили поддержку со стороны газеты «Комсомольская правда», в которой С.Соловейчик организовал приложение «Алый парус», посвященное энтузиастам-педагогам. Соловейчик некоторое время рассматривал его как «новую искру», в которой новое поколение сможет почти открыто высказываться. Дети вырастали в журналистов, знавших правила «внутренней цензуры». После ухода Соловейчика из «Комсомолки» «Алый парус» стал меньше заниматься педагогикой, и сторонники коммунарства сформировали группу «Комбриг», вокруг которой сложился круг подростков и педагогов-журналистов (В.Хилтунен, О.Мариничева, Б.Минаев (в будущем — главный редактор журнала «Огонек»), В.Юмашев (в будущем — биограф Б.Ельцина и руководитель администрации президента) и др.), для которых социальный аспект неформальной педагогики был важнее технологии. «Комбриг» организовывал коммунарские сборы, на которых журналисты тесно общались с подростками. Творческая среда сбора рождала новых авторов и помогала журналистам мыслить свободней. По словам В.Хилтунена, «журналистика оказалась единственной формой жизни, которая позволяла между коммунарскими сборами вести жизнь, похожую на сбор — творчески мыслить, уклоняться от пирамидальных властных форм, жить в условиях самоорганизации своего производственного процесса»<sup>67</sup>. Группа журналистов, близких коммунарскому движению, была частью более разветвленной журналистской «мафии» 60—80-х гг., помогавшей различным педагогическим инициативам.

В 1962 г., благодаря журналистской поддержке С.Соловейчика в «Комсомольской правде», движение стало стремительно распространяться по стране. Обкомы комсомола дали инициативе «Комсомолки» «зеленый свет». Коммунарские группы покрыли всю страну, и даже без учета откровенно «дутых» организаций в них были вовлечены тысячи подростков. Лучше всего коммунарство прививалось в самых закрытых (связанных с ВПК и потому элитарных) и самых открытых, портовых, городах страны<sup>68</sup>. Но уже во второй половине 60-х гг. его кризис начал прогрессировать. Причины его заключались в противоречии между коммунарством как педагогической технологией и коммунарством как социальным движением. Первоначально рассчитанное на социальную экспансию, на воздействие «вовне», движение создавало психологически комфортную среду, из которой не хо-

телось выходить в «застойный» мир. *«Коммунары представляли собой команду, которой, конечно, было внутри себя хорошо, но на внешнее окружение, его изменение, она не работала»*<sup>69</sup>, — вспоминает К.Сумнительный. Коммунары «раскручивали» подростков, увлекали их своими «коллективными творческими делами», но затем либо интегрировали в свою среду, либо оставляли наедине со «скукой брежневских времен». Эта ситуация преследовала движение в течение всех 70-х гг. Она была характерна и для иных неформальных движений того времени. «Задачи защищенности и креативности приводили к тому, что страдала социальная активность. Им было хорошо друг с другом. А кому-то не удавалось творческое, креативное начало, но он пестовал форму. Креативность на высокой “точке кипения” всегда выплескивалась в социум, но можно было до этого не доводить. Коммунары били стекла в горкомах партии в Ленинграде и Салавате в 1966—1967 гг. Понимая свою ответственность за судьбу этих ребят, они пытались кастрировать социальный радикализм... Сима все-таки тоже был человеком компромисса, и этому тоже хотел нас учить. Он говорил: “Выживает то, что не скандалит”. Самые большие проблемы у него были не после критики, а после положительных очерков. Альтернатива страшнее критики. Всякие попытки с чем-то сражаться во всей истории человечества кончаются полной ерундой. На самом деле людям нужны модели развития»<sup>70</sup>, — вспоминает В.Хилтунен.

#### **ХИЛТУНЕН Валерий Рудольфович**

*Родился в 1951 г. Имел близких родственников в Финляндии, в юности считал себя финским националистом. С 1963 г. участвовал в коммунарском движении. В 1965 г. — один из организаторов коммунарского объединения в Петрозаводске. В 1968—1974 гг. учился на международном отделении журналистского факультета МГУ. С 1972 г. работал в «Комсомольской правде» (от стажера до редактора отдела). Один из организаторов журналистского объединения «Комбриг». Один из авторов идеи педотрядов.*

Очень многое зависело от конкретного лидера группы. Для кого-то внутренний климат был важнее социальной активности, для кого-то — наоборот. Лишь активное меньшинство требовало социального действия. Его генерирование, творческая чужеродность официальным структурам и представляло для последних главную опасность. *«ЦК ВЛКСМ предложил нам “выбор”, — рассказывает Р.Соколов, — мы можем унифицироваться по тому или иному образцу. Но унифицироваться обязательно — единая форма, единая методика и т.п. Иначе ЦК не мог взять на себя ответственность за нас перед партией. Мы отказались. Комсомольские функционеры пожали плечами и предложили решать свои проблемы на местном уровне. А там началось удушение. Не везде сразу. Но постепенно самостоятельным коммунарским группам пришлось уйти в подполье»*<sup>71</sup>. Официальным структурам, прежде всего ВЛКСМ, удалось взять на вооружение «технологию», аккумулировав часть движения в систему «школ комсомольского

актива и пионерского», придавив на местах неконтролируемые группы, отказавшиеся от унификации под эгидой ЦК ВЛКСМ.

### **СОКОЛОВ Ричард Валентинович**

*1943 г. рождения. В 1961—1964 гг. учился в Полиграфическом институте на художника-графика. Провел персональную выставку. В 1964 г. попал на коммунарский сбор и решил сменить профессию. В 1965 г. работал вожатым в пионерском лагере «Орленок». Активный участник коммунарского движения. В 1968—1971 гг. возглавлял детский клуб по месту жительства в Щелково. Один из авторов идеи педотрядов, один из создателей Коммунарского макаренковского содружества. В 1971—1979 гг. — комиссар Форпоста культуры им.Шацкого. В 1979—1981 гг., работая в ДК, участвовал в организации домов педагогической культуры в Бабушкинском и Бауманском районах Москвы. В 1981—1986 гг. учился в Институте культуры. Организатор-методист. С 1986 г. методист, руководитель детского клуба «Ровесник». С 1990 г. — старший научный сотрудник Института культурологии.*

Неконтролируемые коммунарские группы также тяготели к потере изначального творческого потенциала. «В состав коммунарской технологии входила выработка “заповедей” группы. Проходил коммунарский сбор, и по кругу шло обсуждение некоего “общественного договора” — правил жизни группы. В конце концов вырабатывалось несколько “заповедей”, принимавшихся всеми. И они были освящены коллективным авторитетом. Группа существовала несколько “поколений”, и устойчивые образования естественно возглавлялись стариками — “хранителями” заповедей. Их власть была велика, так как структура группы обычно была военизированной. Но потом приходили новые активные люди. Кто-то принимал “заповеди”, а кто-то входил с ними в конфликт — ведь “заповеди” были актуальны в то время, когда их принимали. И в итоге “реформисты” становились “раскольниками” — они изгонялись. В то же время наряду с такими “традиционалистскими” группами существовали группы “миссионерские”. Для них главным было не воспроизводство этой структуры, их лидеры вполне были социализированы в жизни. Они ездили по стране и “несли слово Божие”. Они показывали школьникам и педагогам, что нельзя жить в тихом болоте, что можно жить иначе. “Миссионеры” уезжали, все снова погружалось в гнилую тишь, но кого-то это будило. У “миссионеров”, видимо, не было разработанной социальной программы, они стремились приблизить коммунизм. Но само понимание коммунизма у коммунаров этой волны было очень “широким”. Где-то в 1982—1983 гг. В.Хилтунен говорил мне: “Ко мне сегодня заходил один человек, и мы с ним беседовали о раннем христианстве. Но мне кажется, что коммунистическая идея шире, чем раннее христианство”. Если коммунистическая идея шире раннего христианства, то она во всяком случае шире марксизма»<sup>72</sup>, — рассказывает К.Сумнительный. «У нас было такое объяснение, — комментирует В.Хилтунен, — которое возникло после чтения одного из детских писем: “В мире есть две идеи, которые занимают душу целиком: Бог и коммунизм”. Все остальные идеи тоже хороши, но

человек не может придумать третью идею такого же масштаба. Всякий человек, не имеющий этих двух идей, начинает съеживаться душевно. Эти идеи по сути не враждебны. Я объяснял, что большая часть людей, которая томится сморщенностью души, идет по религиозной тропе — эта тропинка прописана. “А идея коммунизма, — говорил я тогда ребятам, — прописана только у Ефремова и у Урсулы Легуин. По сути говоря, никакого третьего текста нигде нет, потому что другие тексты ничем не пахнут. Мы создаем эти тексты на наших сборах. Мы проживаем ненаписанную практику коммунизма. И это может вылиться в то, что может быть описано. Мы герои, потому что по ненаписанным нотам пытаемся воспроизвести симфонию”<sup>73</sup>.

Коммунарское движение сохранялось в качестве несколько уменьшившейся в объеме субкультуры, проводя свои слеты, продуцируя активное меньшинство, которое, даже уходя из групп, «заражало» коммунарскими коллективистскими традициями другие общественные течения: экологическое, песенное, более поздние формы педагогического, а позднее — и политический неформалитет.

«Миссионерское» коммунарство вылилось далее в движение педагогических отрядов. Под влиянием идей Макаренко (их активно пропагандировала Э.Кузнецова) социально-активные коммунары, обрстая «новичками» из студенческой среды, в 1971 г. занялись созданием педотрядов — групп педагогов, приступивших к работе с социально-«трудными» группами детей. Главным актом педотряда был «десант», аналогичный коммунарскому «сбору». «Десанты» высаживались в детском домах, колониях, в селах.

Одной из предтеч педотрядов стала созданная неутомимым И.Ивановым Коммуна им. Макаренко — студенческое научное общество, разрабатывавшее коммунарские идеи. В 1971 г. в Москве возник педагогический Форпост культуры им. Шацкого — районная организация, занимавшаяся внешкольной работой с детьми.

От коммунаров педотряды унаследовали педагогическую технологию и организационную структуру (сборы, советы комиссаров). Но они пошли дальше. Около 10 коммунарских групп в 1972 г. объединились в Коммунарское макаренковское содружество, а затем, чтобы нормализовать отношения с ВЛКСМ, курировавшем эту сферу, — в Содружество макаренковских комсомольских педагогических отрядов. Своеобразной разновидностью педагогических отрядов стали летние «профильные» лагеря при научных учреждениях. Власти вынуждены были смотреть сквозь пальцы на летнее общение научной интеллигенции и одаренных подростков вне административного, партийного и комсомольского контроля, поскольку результат интенсивных занятий с одаренными детьми позволял получить пополнение военно-научных учреждений. Но в то же время эти лагеря были и рассадниками инакомыслия, иногда довольно демонстративного. Так, в столовой летнего лагеря под Красноярском висел лозунг: «На штурм вершин науки не пошлешь морскую пехоту».

Низовое движение педотрядов, состоявшее из педагогов-энтузиастов, стало заниматься внешкольным воспитанием и образованием вне контроля

партии, ВЛКСМ и школьных администраций. В 1975 г. на слете двух десятков подотрядов на Волге был даже создан устав Содружества как самостоятельной организации, но под давлением умеренного крыла движения от его принятия отказались. Ко второй половине 70-х гг. движение подотрядов «заметил» ЦК ВЛКСМ, который признал эту форму работы полезной и решил возглавить движение, проводя попутно его реорганизацию. «Ко мне прицепились, — рассказывает Р.Соколов, — доказывая, что мой отряд неправильный, поскольку в комсомольском положении было написано, что комиссаром отряда может быть либо коммунист, либо комсомолец. А я ни то, ни другое. Я им отвечаю: “Как же отряд неправильный, когда мы это все и начинали. Я же это все придумал!” — “А это неважно, что ты это все придумал, ты теперь под постановление не подходишь. В комсомол вступать поздно, в партию — кто примет? Так что получаешься ты самозванец”»<sup>74</sup>.

Под эгидой комсомола движение «продержалось» до начала 80-х гг. К этому времени выяснилось, что созданные ВЛКСМ подотряды неэффективны, что признали и комсомольские руководители. «Официальные» подотряды постепенно распадались. Кризис, поразивший коммунаров в конце 60-х гг., настиг подотрядовцев в конце 70-х. «Мы ездили, возбуждали, — вспоминает В.Хилтунен, — возникала группа молодых людей, которая спрашивала — а куда дальше идти? Ответить мы не могли. Это была только скорая помощь. “Комбриг” поставил перед нами ультиматум: “Мы не хотим заниматься социальным провокаторством. Нужно что-то новое”. Тогда мы занялись семейными клубами и Загорском. Слой, который мог делать что-то реальное, был очень узким. Люди выросли и отчасти ушли в похожее на коммунарство игрище семейных клубов. Оно подобрало почти всех, кто мог быть подбираем. Часть бездетных радикалов “чегеварного” типа ушли в Загорск. Загорск был последним козырем марксизма, поскольку доказывал — сознание можно формировать извне. Здесь снималась проблема социального провокаторства, потому что этим детям можно было сделать только лучше»<sup>75</sup>. Эксперимент в Загорске был начат еще при участии философа-марксиста Э.Ильенкова, разработавшего методику формирования интеллекта практически не развивавшихся слепо-глухонемых детей с помощью организованной педагогами моторной деятельности. После гибели Ильенкова коммунары-подотрядовцы решили взять «шефство» над детдомом. Подотряд А.Савельева, А.Вакуленко и др. работал с детьми, раз в неделю устраивая коммунарский «табор» для местных детей и приезжих семей, в большинстве своем — участников движения семейных клубов. Через эти сборы прошло 11—12 тысяч человек.

Большая часть посткоммунарского движения в конце 70-х гг. эволюционировала в семейно-педагогические клубы — ведь организаторы общественно-педагогического движения уже обзавелись семьями. Активное участие в их создании принимали семьи Хилтуненов, Соколовых, Никитиных и других неформальных педагогов.

Поскольку в школе возможность применения новых методик была ограничена консервативным контролем администрации, все большее количество родителей начинало брать дело образования в свои руки. Несмотря на то

что новое движение не было чисто коммунаским по составу, коммунары имели большой опыт самоорганизации, и новые клубы оказались под их значительным влиянием. Клубы создавались в Москве, Пущино, Ленинграде и других местах. В Северной столице клубы объединяли до тысячи человек<sup>76</sup>.

Проходили межгородские встречи. «Съезды семейников постоянно происходили в том же Загорске, — рассказывает В.Хилтунен. — Семейные клубы часто приезжали сюда на сборы. Горкому партии было нелегко терпеть в центре города ночные костры, но нас поддерживали некоторые московские чиновники, которые посылали письма местным властям на важных бланках, и коммунаров не трогали. Нашли дешевую гостиницу, где создали неформальный университет, где участники что-то рассказывали друг другу. Однажды возникла возможность прорыть канаву отопления для Загорска, и шоссе перекрывали для этого только на сутки. Мы бросили клич, и приехали сотни людей. И все вместе копали. А в это время был какой-то религиозный съезд, и над нами шли священники самых разнообразных конфессий, заглядывали вниз и спрашивали — что здесь делается. А мы отвечали, что это свободный труд свободно собравшихся людей»<sup>77</sup>.

Клубы культивировали здоровый образ жизни — большую популярность в их среде приобрели методы закаливания, которые проповедовались супругами Никитиными, другими энтузиастами, возрождавшими традицию единения с природой, заложенную еще П.Ивановым. Закаливание влекло за собой изменение других сторон жизни семьи. Н.Чаплина пишет об этом: «Раздел ребенка, обеспечить ему возможность растрачивать энергию, двигаться, возиться. Как это сделать в малогабаритной квартире?»<sup>78</sup> Родители выходили из положения с помощью хитроумных физкультурных приспособлений, но этот образ жизни «задохался» в урбанистической среде. В результате увлечение педагогикой тесно переплеталось с коммуналистским движением — восстановлением общинной традиции самоуправления и взаимопомощи по месту жительства. В Ленинграде даже была предпринята попытка образовать семейную коммуну с общим жильством и воспитанием детей. Предпринимались попытки создать педагогическую общину в сельской местности, но дальше летнего отдыха дело не пошло. Устойчивая педагогическая община («Китеж») возникнет только в 1993 г. на иной основе. По мере «вырастания» детей и усиления в начале 80-х гг. давления на клубы со стороны партийных организаций и Педагогического общества СССР лидеры движения вернулись к идее обновления школы. Школа представляла для педагогов-общественников неблагоприятную среду из-за сильного контроля администрации и «фабричного» внутреннего устройства. Однако здесь у неформалов была своя «пятая колонна» — педагоги-новаторы.

У истоков движения педагогов-новаторов 70-х—80-х гг. стояли «неравнодушные» учителя, пытавшиеся, подобно известному педагогу В.Сухомлинскому, «эмоционально пробуждать разум» и оптимизировать учебно-воспитательный процесс.

Известность педагогов-новаторов нарастала по мере развития кризиса советской школы. О новаторах писала «Комсомольская правда» и прежде

всего энтузиаст педагогического неравнодушия С.Соловейчик<sup>79</sup>. Помощь журналистов позволяла педагогам-новаторам и коммунаркам преодолевать трудности, связанные с неприязнью всемогущего чиновничества к социальному творчеству. «Сколько я себя помню как журналиста, — вспоминает В. Хилтунен, — все время приходилось отстаивать педагогов-новаторов от ЦК и Минобра... Я, ваш покорный слуга, принадлежал, как теперь выясняется, к журналистской “банде восьми” — вместе с Соловейчиком, Матвеевым, Мариничевой, Данилиным, Матягиным, Логиновой и Преловской. Мы работали в школьных отделах разных газет — “Учительской”, “ЛП”, “Известий”, “Комсомолке”, “Правды”, но рабочий наш день складывался примерно одинаково: завтрак, потом нужно было ложиться на амбразуру по поводу Шаталова, обед. Потом скандал по поводу Тубельского, а до ужина нужно было еще звонить на какую-то “Запорожсталь”, чтобы оттуда вовремя отгрузили какие-то болванки в адрес школьного завода “Чайка”, безуспешно пытающегося доказать, что время Макаренко еще не вышло»<sup>80</sup>.

Постепенно возникало движение педагогов-новаторов, которое было весьма разнообразно: мастер ораторских приемов Е.Ильин и автор идеи опережающего обучения С.Лысенкова; с одной стороны — технократическая методика учителя математики В.Шаталова, пытавшегося максимально оптимизировать учебный процесс в его деталях, с другой стороны — направление, представленное прежде всего преподавателем музыки, а затем директором школы (точнее — школ, так как время от времени приходилось менять место работы) М.Щетининым и другими инициаторами «целостной» педагогики (позднее — «педагогики сотрудничества»). Щетинин стремился путем преодоления узкой специализации и дробления учебного процесса классической классно-урочной системой, а также с помощью эстетизации педагогического процесса преодолеть характерное для XX в. отчуждение личности от ее многогранной человеческой сущности. «Целостность личности ребенка — целостность окружающего мира — такова взаимосвязь двух главных начал, на которых базируется исповедуемая мной и моими единомышленниками концепция школы... Мир познания превращен в изолированные друг от друга “коридоры”, так что ученику порой даже трудно поверить, что это пласты единого целого. А искусство как раз сильно тем, что синтезирует разрозненные явления, дает целостное образование и воспитание, воспитывает целостное мировоззрение... Мы формируем умение человека ввести себя в этот целостный мир с самого раннего возраста. Человека с детских лет надо растить от его корней, от его сущности. А сущность человека — это человечность»<sup>81</sup>. Из этих тезисов вытекали и относительный демократизм отношений учителя и ученика, и метод «погружения», то есть комплексного и длительного обучения одному предмету, но в постоянной связи с другими, и стремление к взаимоувязке различных отраслей знания между собой.

По мнению В.Хилтунена, Щетинин «постепенно рос от нищестанства, от тоски по сверхчеловеку, к идее создания корневого оазиса культуры. Либеральные ценности могут быть устойчивыми только на базе корневой общины... Щетинин находил социальную опору в местных крепких “князьках”, и

когда их снимали или отправляли на повышение, вынужден был менять место работы»<sup>82</sup>. «Сколько унижений пришлось вытерпеть ото всяких чиновников и контролеров, которые ничего в нашем деле не понимают. Сколько сил и времени на это потерял»<sup>83</sup>, — с горечью вспоминал Щетинин много лет спустя. По словам В.Хилтунена, «Мишу травили и “правая”, и “левая” — чиновникам не нравилась его тотальная, абсолютная независимость, коллег-новаторов смущала чрезмерная, как им казалось, любовь Щетинина к корням, к земле — он так и не полюбил города. Все свои “экспериментальные площадки” он открывал в селах, да не абы каких — а в самых глухих... После смерти Сухомлинского именно Щетинину предложили продолжить его дело в Павлоше, но Михаил Петрович отказался, сказав в том смысле, что на кладбищах, даже самых уважаемых, трудно замешивать завтрашний день, и стал директорствовать в спившемся (!) староверческом (!!)) селе — не то чтобы русскоговорящем, но — выразимся так — рускоматерящемся. То, что он сделал с детьми той деревушки... было фантастикой. Когда делегация ЭТИХ юных эльфов и фей приехала в столицу, то на них сбегались смотреть сотрудники радио и телевидения, думая, что их ловко дураят — что ТАКИХ детей уже не бывает. А сам Щетинин приставал к нам с горькой исповедью — он не знал, как быть: эти сельские дети, входившие во вкус культуры, волей-неволей начинали относиться без должного пиетета к пьющим и ничего не читающим родителям своим»<sup>84</sup>.

Консервативная тенденция была представлена в среде педагогической общественности и такой яркой фигурой, как преподаватель фехтования К.Раш. Однако новатором К.Раша можно назвать с большими оговорками — он выступал категорически против любых «экспериментов на детях». Несмотря на это категорическое заявление, Раш все же предлагает некоторые смелые эксперименты: «Эх, да что там говорить, из дискотеки можно было бы сделать великолепную школу этики, манер, дисциплины, галантности»<sup>85</sup>. Дискотека как школа дисциплины — идеал, не пришедший в голову даже Главуру.

Несмотря на то что нетрадиционные педагогические методики не были официально одобрены, они широко расходились в учительском самиздате. Между новаторами устанавливались разветвленные контакты. У «гуру» появлялись апологеты. Эйфория охватывала и ветеранов общественно-педагогического движения. И много лет спустя С.Соловейчик, например, писал: «Ведь никакими способами, кроме шаталовских, если только не применять ремень и угрозы, не втемяшишь в эти головы греческую историю, ну невозможно это!»<sup>86</sup> Мне неоднократно доводилось наблюдать эффективное преподавание греческой истории слабым ученикам без ремня, угроз и шаталовских методов. И применение шаталовских методов без Шаталова и без эффекта — тоже. Присутствие на уроках Шаталова лишний раз убеждает: в основном результат в педагогике определяется личностью учителя.

Само неравнодушие учителя, его стремление ознакомиться с методами коллеги и применить у себя то, что подходит «для местных условий», само стремление работать несмотря на мертвящие директивы, сам факт подвижничества и неформального общения учителей давал эффект и позволял на-

деяться, что педагогическая реформа «снизу» окажется результативной, несмотря на педагогическую реформу сверху.

Устойчивые контакты между новаторами и педагогами-общественниками возникли в 1977 г., когда сотрудники М.Щетинина побывали на слете педотрядов. Некоторые коммунары работали в новаторских школах. «Здесь, безусловно, произошло взаимообогащение, — считает Р.Соколов, — Щетинин много воспринял от коммунарской методики, прежде всего коллективные творческие дела. Но это была авторская школа, как дело любого педагога-новатора, это было его детище. Это касается не только Щетинина, то же самое можно увидеть и у других новаторов, привлекавших к сотрудничеству коммунаров. Скажем, В.Караковского. Когда к директору-новатору приходили с идеей коллективной творческой деятельности, и говорили: “Сейчас на общем сборе мы спланируем, куда нам идти завтра, а завтра обсудим — куда послезавтра...”, то всплывало, что коммунарство возможно здесь как локальный план в мегасистеме Автора, а коммунарское самоуправление — как Юрьев день, своего рода разовый урок демократии, после которого придется идти туда, куда скажет Автор.

Щетинин имел неосторожность приглашать коммунаров для совершенствования всего педагогического процесса, и они наивно полагали, что методом коллективного творчества они будут решать эти вопросы. Но не тут-то было — у него был свой образ, за границы которого нельзя было выходить, тем более — строем и с речевками. Я тогда часто приезжал к Щетинину, и помню такой характерный эпизод. Мною “сосватанная” в эту школу Алла Дворжицкая из Перми, которую считали “железным комиссаром”, идеалом которой был Павка Корчагин, организовывала у Щетинина внешкольную работу. А надо сказать, что в этой школе, где директор начинал с совершенствования эстетического воспитания, полы были расписаны лилиями и другими замечательными цветами. И вот по этому романтическому полу маршируют коммунары с речевками: “Дряни любой давай бой...” Этот диссонанс трогательных лилий и жесткого, даже «кондового» марша показывал: союз коммунаров и новаторов обречен.

Но Щетинину нужно было общественное движение — не в этой форме, так в другой. Ему нужна была внешкольная работа, в которой общественники были сильнее новаторов. Иначе его школа оставалась островком в океане “застоя”. В итоге Щетинина, как и нас, постоянно “гоняли” с места на место»<sup>87</sup>. Вся альтернативная педагогика оставалась кочевой.

Общественно-педагогическое движение контактировало с движением Молодежных жилищных комплексов (МЖК), возникшем в это же время в Калининграде и Свердловске. «Бойцы» МЖК с одобрения властей должны были решить жилищную проблему, построив бесплатно для себя дом с помощью государственной техники и материалов. Дом предстояло строить не обычный, а приспособленный для общения соседей между собой. Городское жилье в СССР изолировало людей друг от друга и способствовало ситуации, когда большинство соседей просто не знало друг друга. Конечно, дело было не только в структуре жилья, но и в общих тенденциях развития индустриального общества, во всем мире приводящего к атомизации населения,

отчуждению людей друг от друга. Но во всем мире люди пытаются сопротивляться этим процессам, и удобнее это делать в соответствующем жилье.

МЖКовцы писали о себе: «Глубоко символичен постулат свердловчан: “Мы строим дом, и дом строит нас”... Имея четкую, детально продуманную социальную программу, они начали планомерно воплощать ее, своими руками сооружая одновременно и жилые дома, и объекты соцкультбыта. Таким образом был создан совершенно новый тип социалистического общежития, основанного на принципах самоуправления, добрососедства, взаимопомощи, где в атмосфере подлинного коллективизма появилась возможность совместно воспитывать детей, иметь больше свободного времени, которое можно тратить на свои увлечения»<sup>88</sup>. Коммунитарные инициативы были тесно связаны с педагогическими идеями.

В то же время и педагогические инициативы становились катализатором коммунитарной самоорганизации. В 1980 г. возник клуб-мастерская «Левша» под руководством К.Леонтовича. Участники клуба проповедовали и осуществляли на практике обучение детей микрорайона (позднее — и более широкого круга) в условиях доброжелательной, неформальной обстановки. Здесь велись беседы местных жителей, выходившие за рамки педагогической тематики. Это продолжалось до 90-х гг., когда помещение «Левши» было отобрано московскими властями. А в 80-е гг. девиз клуба «Лучше уметь, чем иметь!» вполне укладывался в господствующую идеологию, но наполнял принципы нестяжательства реальным смыслом. Исследователь О.Яницкий даже охарактеризовал клуб «Левша» как «типичную ячейку гражданского общества»<sup>89</sup>, что все же приходится признать преувеличением. Гражданское общество отличается от традиционного общественно-политической активностью, давлением на правящие элиты. Клубы, подобные «Левше», в общественную борьбу не вмешивались, они составляли глубокий, но необходимый тыл формирующегося гражданского общества.

О.Яницкий комментирует работу клубов, подобных «Левше»: «Я лишь хотел обратить внимание на важность для возрождения гражданского общества таких “мирных”, а не авральных групп и ячеек... Лидеры фондов молодежных инициатив вышли из коммунарского движения 60-х гг., ...в “Мемориале” мы находим че-геваристов, участников других молодежных инициатив 70-х...»<sup>90</sup>. Структуры традиционного общества, неформальные движения и связи, которые сохранились и возродились в новой форме после тоталитарного эксперимента 30-х гг., стали питательной средой для формирования гражданского общества в СССР. Но ни сами ячейки традиционного общества, ни элементы гражданских структур, такие как диссидентство или экологические дружины, еще не были гражданским обществом, которое характеризуется многообразием внутренних связей. Элементы будущего гражданского общества были еще очень слабо связаны друг с другом. Кирпичики уже выходили из печи, но дом еще не был построен. Однако и здесь «процесс пошел» до первых заявлений Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Связующие нити оплетали все большее количество элементов, и важнейшей из этих связей была музыка. Неформальные песни бардов и рок-певцов вдохновляли «зеленых» и коммунаров, диссидентов и миллионы буду-

щих участников антикоммунистических митингов. Гражданское общество нашей страны обязано своим рождением поэтам времени «застоя».